

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 539–580
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 2 (2022): 539–80

Научная статья

УДК 94.4 (470.53)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

Исторические образы как конструкт идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края

Виталий Ярославович Призюк,

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия,

vetal_prizuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>

Vitalii Ya. Prizyuk,

Perm State University,
Perm, Russia,

vetal_prizuk@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>

Аннотация. В статье исследуется актуальный вопрос использования исторических образов, где память выступает в роли конструкта, с акцентированием внимания на том, каким образом и с какой целью с ней взаимодействуют федеральные и региональные власти. Установлено, что на сегодняшний день нет эффективного механизма выявления ключевого исторического образа, но изучение региональной идентичности и включение результатов выявления исторических образов в региональные программные стратегии способны продвинуть исследования в данном направлении. В практиках публичной истории и мероприятиях фиксируется преобладание дореволюционных исторических образов, что объясняется, с одной стороны, ностальгией по «золотому веку», а с другой – растущим запросом аудитории на нематериальную культуру регионов. На примере Пермского края показано, как конструирование исторических образов может стать залогом развития территории и фактором формирования идентичности. Кейс реализации проекта «Усолъе Строгановское» раскрывает Усолъе как исторический образ, развитый на локальном муниципальном уровне, который в перспективе может стать конструктом на уровне региона.

Ключевые слова: политика памяти, исторический образ, публичная история, региональная идентичность, Пермский край, «Усолъе Строгановское»

Для цитирования: Призюк В.Я. Исторические образы как конструкт идентичности территории: актуальные тенденции Пермского края // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 539–580, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

© Призюк В.Я., 2022

© Prizyuk V., 2022

Historical images as a construct of territory identity: current trends in Perm Krai

Abstract. The article examines the topical issue of using historical images in which memory acts as a construct, focusing on how and for what purpose federal and regional authorities interact with it. It has been established that today there is no effective mechanism for identifying a key historical image, studies of regional identity and the inclusion of the results of historical images identification in regional program strategies can advance research in this direction. The predominance of pre-revolutionary historical images is recorded in the practices of public history and events, which can be explained, on the one hand, by nostalgia for “the golden age,” and on the other hand, by the growing demand of the audience for the non-material culture of the regions. On the example of Perm Krai, it is shown how the construction of historical images can become a guarantee of the development of the territory and a factor in the formation of identity. The case of the implementation of the Usolye Stroganovskoe project shows how a historical image elaborated at the local level can become a construct at the regional level in the future.

Keywords: politics of memory, historical image, public history, regional identity, Perm Krai, Usolye Stroganovskoe

For citation: Prizyuk, V.Ya. “Historical images as a construct of the territory identity: current trends in Perm Krai,” *Historia provinciae – a Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 539–80, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-5>

Прошлое как конструкт

В последние годы все большее внимание исследователей занимают вопросы актуализации политики памяти, возможностей прошлого, открывающихся для настоящего. Прошлое в данном случае выступает в роли конструкта, «ресурса для легитимации и пересборки современных идентичностей»¹. Как на федеральном, так и на региональном уровне мы можем наблюдать возвращение исторических названий улиц, установку новых мемориальных объектов, связанных с памятью прошлого, которые в современном контексте получают новые смыслы. К актуальным примерам можно отнести установку памятников князю Владимиру в Москве и П.А. Столыпину в Саратове как символов державности и сильного государства, мемориальных досок А.В. Колчаку и К. Маннергейму в Санкт-Петербурге (впрочем, вскоре демонтированных), призванных, по словам экс-министра культуры РФ В. Мединского, «преодолеть в канун столетия русской революции трагический раскол в нашем обществе»².

¹ Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Политика памяти, вызовы идентичности и стратегии преодоления социокультурных угроз в оценках российских и англоязычных исследований культуры // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. № 4. С. 173–180.

² У каждого была своя правда. Сергей Иванов открыл мемориальную доску в честь Карла Маннергейма // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiu-dosku-mannergejmu.html> (дата обращения: 20.02.2021).

Общественный резонанс, который возник после установки памятника Ивану Грозному в Орле в 2016 г., а также жаркие дискуссии, связанные с возможностью восстановления памятника Ф.Э. Дзержинскому на Лубянке (или компромиссной замены его на памятник Александру Невскому), в 2021 г. лишь демонстрируют тот факт, что в обществе еще не сформировалось единое мнение о прошлом и его влиянии на современность.

За последние годы был опубликован ряд исследований в области политики памяти³. В частности, А. Миллер понимает ее как совокупность «различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти»⁴, направленных на сохранение памяти о значимых событиях прошлого. В данные процессы входят и коммеморативные практики, где сама же политика «работает не с прошлым, а с социальными представлениями о прошлом»⁵.

Особый исследовательский интерес ученых, работающих в этой области, связан с темой взаимоотношения политики памяти и региональной идентичности⁶. Региональные стратегии, включающие в себя действия по сохранению памяти, становятся предметом рассмотрения в качестве отдельных кейсов, имеющих свои отличительные особенности. В такой ситуации федеральному центру становится все труднее применить к регионам универсальный подход, предложить некие общие смыслы, не учитывающие местную специфику.

Из этого следует, что в региональных исследованиях продуктивной становится трактовка французского историка Ф. Броделя, где регион является

---

³ История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006; Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019; История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А.В. Гладышева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. Вып. 1.

⁴ Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–13.

⁵ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / ответственные редакторы А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. Москва; Санкт-Петербург: Нестор–История, 2018. С. 27–53.

⁶ Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189; Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019; Фадеева Л.А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс // Перспективы развития политической психологии: новые направления: материалы Международной научной конференции (22–23 октября 2010 г. МГУ им. М.В. Ломоносова) / под редакцией Е.Б. Шестопал. Москва: Издательство Московского университета. 2012. С. 206–214.

аналогом особого «мира» с присущими только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением⁷. В таких вопросах, как определение исторического образа территории и выбор центральной исторической фигуры, требуется всесторонний подход, основанный на политике памяти региона. При этом, возникновение в ходе реализации политики памяти новых исторических образов и символов или восстановление старых призваны служить объединению людей, формированию идентичности. Исследование возможностей подобных образов и символов сегодня также является предметом научного исследования с перспективой возможного включения полученных результатов в государственную и региональную историческую политику⁸.

Следует заметить, что после 90-х гг. XX века актуальным стало обращение к досоветскому прошлому, связанному с именами русских императоров, известных дворянских фамилий, в тех тональностях, которые ранее были невозможны:

...прошлое, предшествовавшее советскому, не только сохранилось в категории «полезного», но и было значительно идеализировано и приближено, в том числе символически ... а пантеон «годных» образов был пополнен новыми культовыми фигурами, например, Романовыми, Столыпиным, лидерами Белого движения и другими персонажами, призванными символизировать «Россию, которую мы потеряли»⁹.

При этом, такого рода ностальгия возрождает интерес не только к дореволюционному прошлому своей семьи, выражающийся в изучении фамильных архивов и ощущении сопричастности с малой родиной, но и в целом к прошлому. По словам Л.П. Репиной,

... в ностальгическом ключе прошлое не просто консервируется, но и разыгрывается вновь ..., причем его, как правило (хотя и не всегда),

---

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XVII–XVIII вв. Т. 3: Время мира. Москва: Весь мир, 2007. С. 41.

⁸ Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под редакцией О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь: ПГГПУ, 2013. С. 100–132.

⁹ Хмелевская Ю.Ю. Историка и полезное прошлое: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 166.

изображают в наиболее привлекательном свете. <...> Через процесс избирательной амнезии прошлое превращается в «золотой век»¹⁰.

Таким образом, прошлое, которое представляется наполненным героическими образами и событиями, высокой культурой и традициями, становится ресурсом решения тех проблем, с которыми сталкивается настоящее. Коллектив исследователей из Томского университета пришел к выводу, что сегодня «основным ресурсом российской модернизации выступает не будущее, а прошлое»¹¹. Они отмечают, что социокультурный потенциал социальной памяти, связанный с ностальгическими общественными настроениями, может быть использован для конфигурирования современного общественного устройства.

В связи с этим, в нашем исследовании мы используем методологический подход, где память рассматривается прежде всего в качестве конструкта, акцентируя внимание на возможных целях и способах взаимодействия с ней, ибо «...память не размещена в определенном месте или полностью содержится в ком-то; вместо этого она реализует себя через ее применение»¹². Вслед за П. Нора, мы понимаем «места памяти» в широком смысле, как единство духовного и материального, которое становится символическим элементом наследия. В нашей работе мы рассматриваем данное становление как результат действий власти в отношении традиций, согласно Э. Хобсбауму:

«Изобретенная традиция» — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения¹³.

Таким образом, власть изобретает традиции, способные поддерживать национальную идентичность, с помощью праздничных церемоний и ритуалов, минут молчания, шествий, возложения венков и т.п.

В последние годы действия государственной власти в области традиций во многом связаны с обращением к истории Великой Отечественной войны 1941–

---

¹⁰ Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. С. 32.

¹¹ Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. С. 164.

¹² Schmidt S.J. Memory and Remembrance: a constructivist approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 196.

¹³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 48.

1945 г. Вполне очевидно, что их пик пришелся на 2020 г., когда в России широко праздновали 75-летие победы. К данной годовщине были приурочены не только марши победы (которые, несмотря на пандемию, не были отменены, а лишь перенесены с 9 мая на 24 июня), но и рекордное количество мероприятий и проектов. Так, в 2020 г. в стране был проведен всенародный конкурс, по результатам которого 20 городов России получили статус «город трудовой доблести», для чего региональными и федеральными властями была организована большая информационная кампания, проводилось интернет-голосование, в котором приняли участие миллионы людей. Очевидно, что давая огромному числу людей возможность участия в конкурсных мероприятиях и голосовании о почетном статусе города трудовой доблести, власти стремились привлечь максимальное количество граждан России к идее общенациональной идентичности.

В то же время, на фоне следования тем смыслам, которые формирует государство, регионы стремятся разрабатывать собственную идентичность. Региональные власти в последнее время осознают, что в действенной политике памяти и тех возможностях, которые она предоставляет, заинтересован прежде всего сам регион. Румынская исследовательница Л.Е. Беженару приводит в подтверждение следующее высказывание представителей Крымского геопоэтического клуба:

Регион с богатой мифологией (исторически достоверной или целиком сочиненной) привлекает <...> его жизнь становится более богатой, потому «регион просит ребрендинга»¹⁴.

Таким образом, важной задачей региона становится сопоставление своей исторической политики с общегосударственной, для того, чтобы исторические образы могли сосуществовать друг с другом, объединяя, а не разъединяя его жителей.

Например, в небольшом поселке Лотошино Московской области, вся историческая память которого на протяжении последних десятилетий была сконцентрирована вокруг Битвы за Москву, проходившей в том числе на его землях, сегодня разрабатывают политику памяти, включающую новые смыслы. Так, в историческом музее поселка была открыта экспозиция, посвященная роду князей Мещерских, чьим родовым именем было село Лотошино, а в скором времени планируется установка памятника князю А.В. Мещерскому

---

¹⁴ Беженару Л.Е. Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопоэтики // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 977.

(1822–1900). На презентации проекта памятника глава городского округа Е. Долгасова отметила:

Род князей Мещерских сделал очень многое для развития Лотошинского края. Сооружение этого памятника будет восстановлением исторической справедливости и признанием заслуг этой семьи¹⁵.

Появление новых персонифицированных исторических образов внутри регионов – также одна из тенденций современной политики памяти. Во многом это объясняется «конкуренцией с другими регионами за присвоение наиболее рентабельных (в большей степени в политическом, нежели в экономическом значении) исторических сюжетов»¹⁶. Достаточно ярко данный процесс можно проследить на примере федерального конкурса «Великие имена России», который проводился в 2019 г. По всей стране в рамках данного конкурса начали массово выбирать героев, которых можно было бы назвать центральными историческими фигурами определенных регионов, с тем, чтобы потом их имена присвоить региональным аэропортам. Согласно информации на официальном сайте проекта, в голосовании приняло участие 6 млн россиян¹⁷. Несмотря на столь значительное количество голосовавших, для жителей целого ряда регионов стало неожиданностью, что их реальная историческая идентичность по существу осталась неучтенной, а победителями стали персоны, соответствующие политическим представлениям властей. Так, например, ключевой исторической фигурой для Калининграда стала императрица Елизавета Петровна, а не И. Кант – *genius loci*, дух 750-летнего города (по определению исторического раздела сайта администрации Калининграда¹⁸). В Мурманске аэропорт назвали именем императора Николая II, так же фигуры общероссийского масштаба, непосредственно с самим городом связанной весьма условно. Таким образом, даже такой демократичный способ выбора центрального исторического образа территории как общенародное интернет-голосование трудно назвать оптимальным.

---

¹⁵ Проект памятника князю Мещерскому презентовали в Лотошинском музее // Сайт администрации городского округа Лотошино Московской области. URL: <https://www.лотошинье.рф/news/get/12371/> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁶ Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. С. 153.

¹⁷ Подведены итоги конкурса: 46 аэропортов получают великие имена // Великие имена России. URL: <https://великиеимена.рф/> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁸ Кант – Кенигсберг – Калининград // Сайт администрации г. Калининград. URL: https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php (дата обращения: 20.02.2021).

В том же 2019 г. проводился другой федеральный проект «Живое наследие», курировавшийся Общественной палатой РФ и Фондом Президентских грантов. В рамках данного проекта была составлена национальная карта локальных культурных брендов России, где в каждом регионе определялись основные «номинации»: персоны, образы, даты и события. Лидеров определяло экспертное жюри, при выборе персон учитывались мнения местных экспертов, а в некоторых городах собирались круглые столы для обсуждения возможных брендов. Тем не менее, и такой способ выбора не был лишен недостатков: так, в Пермском крае, несмотря на то, что ключевыми историческими персонами были выбраны Строгановы, Б.Л. Пастернак и В.Н. Татищев, единоличным лидером стал Б. Пастернак, так как, согласно ключевому критерию конкурса, человек со статусом Нобелевского лауреата автоматически попадал в «избранный корпус локальных брендов»¹⁹. Было бы преувеличением считать Нобелевскую премию определяющим для большинства жителей региона фактором в вопросе выбора исторической персоны. Позиции Б. Пастернака в этом качестве для Перми теоретически возможны, но скорее благодаря ассоциациям города Юртин в романе «Доктор Живаго» с Пермью, а не наличию статуса Нобелевского лауреата. Однако в данном случае именно этот фактор сыграл решающую роль.

Все это говорит о том, что для демонстрации эффективности при определении ключевых исторических образов и интернет-голосование, и работа экспертов должны быть включены в региональную политику памяти. В свою очередь регионам необходимо найти баланс между следованием по пути общей национальной идентичности государства и развитием своей уникальности, которая даст им конкурентные преимущества перед другими регионами. В этом процессе мы можем наблюдать возросший интерес к образам и персонам прошлого, в особенности дореволюционным, как следствие ностальгических чувств по утраченному «золотому веку». Используя их для конструирования идентичности, власть получает широкие возможности, при этом ключевыми принципами должны оставаться историческая достоверность и аутентичность. В противном случае, если исторические образы станут результатом политического конструирования без стратегической проработки, возникнет перспектива того, что они подвергнутся изменениям вслед за сменой правящего курса, что уже не раз демонстрировала история.

---

¹⁹ Исследование и систематизация корпуса локальных культурных брендов Российской Федерации // Живое наследие. URL: <https://livingheritage.ru/files/brands-study-selection.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).

Поиск образов прошлого на территории Пермского края

В сентябре 2020 г. в Перми прошла первая Межрегиональная туристическая ярмарка, где пермским Туристским информационным центром были представлены основные бренды Пермского края. Ранее, в 2016 г. на официальном сайте туристского центра была опубликована статья под названием «Бренды Пермского края. Основные бренды территории»²⁰. Материалы центра вполне возможно считать отражением официальной позиции региональной власти, так как он был создан в 2013 г. по инициативе Министерства физической культуры, спорта и туризма Пермского края с целью развития и популяризации внутреннего и въездного туризма в регионе.

Создание региональных туристических центров – общероссийская практика последнего десятилетия. Помимо осуществления основной информационной деятельности, они также являются проводниками региональной политики в области культуры, формируя образ региона. В связи с этим, обращает на себя внимание тот факт, что за четыре года список претерпел значительные изменения: некоторые бренды были добавлены, а другие удалены из него.

Таблица 1

Сравнение позиционирования брендов Пермского края в тексте на официальном сайте пермского Туристского информационного центра (2016 г.) и презентации на Межрегиональной туристической ярмарке в Перми (2020 г.)

№	2016 г.	2020 г.
1.	Пермский звериный стиль	Пермский период
2.	Пермские театры	Пермяк – соленые уши
3.	Соляная столица России – Родина солеварения	Пермские боги
4.	Чайная столица Российской империи	Русские сезоны
5.	Пермь Великая Чердынь	Пермская кухня
6.	Пермский период	Пермь активная
7.	Пермские деревянные боги	Династия Строгановых
8.	–	Великая экспедиция Беринга
9.	–	Кама-река

Появление таких брендов, как «Пермь активная» и «Кама-река» можно объяснить стремлением развивать активный и круизный отдых, о чем дополнительно свидетельствует выпуск туристским центром в 2019 г. специализированных карт по данной тематике. В то же время, интересно заметить внесение в список брендов двух персонифицированных историй –

²⁰ Бренды Пермского края // Великая Пермь. URL: <http://visitperm.ru/press/articles/brendy-permskogo-kraja/> (дата обращения: 20.02.2021).

«Династия Строгановых» и «Великая экспедиция Беринга», а также удаление бренда «Пермский звериный стиль», в 2016 г. занимавшего первую строчку. Вместе с ним покинули список «Чайная столица» и «Пермь Великая Чердынь». Мы видим достаточно существенные перестановки в исторических брендах региона, произошедшие за короткий отрезок времени, что говорит о несформированности позиции региональной власти по вопросу продвижения региона, отсутствию единого исторического образа. После «Культурной революции» в Перми 2008–2012 гг. и возвращения к консервативным стратегиям культурного развития, регион продолжает находиться в процессе поиска своей идентичности.

Обращает на себя внимание также и то, что акцент в культурном позиционировании региона делается на исторических образах: на информационных стендах, размещенных в городах Пермского края, все туристические маршруты имеют историческую основу. Так, каждый из маршрутов, изображенных на стенде у краеведческого музея г. Оса Пермского края и охватывающих основные туристские районы региона, так или иначе носит исторический характер²¹.

Таблица 2

**Соотношение туристических маршрутов Пермского края,
представленных на информационном стенде в г. Оса (2019 г.),
с картой туристских районов Пермского края (2020 г.)**

Туристические маршруты	Туристские районы Пермского края
«Пермь Великая», «Императорский маршрут»	Северный Урал
«Древняя Парма и коми-пермяки»	Парма
«Соляные столицы»	Верхняя Кама
«Наследие династии Строгановых», «Хохловка – центр деревянного зодчества»	Средняя Кама
«Великая Северная экспедиция»	Нижняя Кама
«Горнозаводская цивилизация»	Горнозаводской Урал
«Чайная столица Урала», «Императорский маршрут»	Предуралье

Данные маршруты предполагают самостоятельное посещение туристами музеев, связанных с заданной темой. На территориях, входящих в туристские

²¹ Карта «Туризм» // География Пермского края. Атлас: учебно-справочное пособие / под редакцией А.А. Зайцева, С.В. Пьянкова, Н.В. Бажуковой. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 46.

маршруты, проводятся масштабные культурные события, имеющие исторический контекст: этно-ландшафтный фестиваль «Зов Пармы» (Северный Урал), фестиваль исторической реконструкции «Большие маневры на Хохловских холмах» (Средняя Кама), фестивали «Строгановская седмица» (Верхняя Кама), «Оса – акватория Беринга» (Нижняя Кама) и др. Для жителей территорий, на которых проводятся эти мероприятия, многие из них являются центральными, знаковыми, главными в году, что позволяет собирать большую зрительскую аудиторию. Вполне вероятно, что регату, катания на моторных лодках, кэмпинг или серию музыкальных концертов, которые проводятся в рамках данных фестивалей, можно было бы провести и без привязки к историческим образам, однако историческая составляющая мероприятий востребована. Фестивали проводятся не только для развлечения публики и получения коммерческой выгоды, но и для формирования идентичности региона – они встроены в культурную политику.

Проводимые в рамках формирования идентичности региона мероприятия выявляют проблему ключевого исторического образа для региона: как выбрать наиболее подходящий, когда каждый из них соответствует своей территории и социальной группе? В.В. Абашев пишет, что все образы (знаки Перми) образуют единое целое, составляя так называемый пермский словарь, где «Стефан Пермский», «пермский период», «Дягилев», «Пастернак» и др. – «словарные единицы». Каждая из единиц, по мнению В. Абашева, имеет свою востребованность:

Они не равнозначны, у каждого есть свой радиус действия <...> Есть знаки формирующие центр, ядро пермской парадигматики, и знаки, находящиеся на ее периферии²².

---

²² Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. С. 62.

Верхний ряд: Фестиваль «Строгановская седмица», «Романовские дни» в Ныробе.

Нижний ряд: Фестиваль «Оса – акватория Беринга», театрализованная экскурсия
в музее г. Очер.

Источник: коллаж автора.

Работая над конструированием образа, заинтересованные группы способны увеличить степень его востребованности, следствием чего может стать перемещение образа с периферии ближе к ядру. Так, в ряде случаев, благодаря программной работе, традиция почитания исторических героев становится частью большого федерального проекта, повышая свой статус.

В поселке Ныроб Чердынского района Пермского края с 2007 г. ежегодно проводятся акции, посвященные памяти боярина Михаила Никитича Романова (1560–1602). Выбор места связан с тем, что в Ныроб опальный боярин был сослан в 1601 г. и здесь же закончил свои дни. В поселке существует музей Михаила Романова, а в дни его памяти на протяжении многих лет проводятся

научно-практические конференции, театрализованные представления. Традиция почитания М.Н. Романова не является изобретенной, скорее восстановленной. Особое отношение к этому месту в России сформировалось уже давно. Так, Г.Н. Чагин отмечает, что в 1913 г. «реальные исторические события явились поводом по-особому ... отметить в Ныробе 300-летие царствования Романовых»²³. После революции публичное почитание представителя Дома Романовых стало невозможным, а часовня, построенная над ямой, где содержали дядю первого царя из рода Романовых, была уничтожена. Спустя почти столетие, по желанию местного населения и поддержке региональных властей традиция почитания была возрождена.

С 2020 г. Ныроб стал частью федерального проекта «Императорский маршрут», посвященного местам памяти Дома Романовых в России. Двумя годами ранее, в 2018 г., Пермь стала важной частью этого проекта, реализуемого Министерством культуры РФ совместно с Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», что было обусловлено пребыванием и гибелью на пермской земле великого князя Михаила Александровича (1878–1918) и великой княгини Елизаветы Фёдоровны (1864–1918). К 2020 г. проект объединил 19 регионов России – мест пребывания и памяти членов Дома Романовых. На сайте Федерального агентства по туризму задача проекта «Императорский маршрут» раскрывается следующим образом:

Национальный историко-культурный туристический проект «Императорский маршрут» дает возможность по-новому взглянуть на нашу историю и приобщить подрастающее поколение к непрерывной цепи исторических событий в России²⁴.

Если в стратегии государственной политики памяти проект «Императорский маршрут» является образцом реконструкции досоветского образа прошлого, то другой пример из Пермского края можно считать отчасти конструированием нового образа (правда, на основе старого).

В городе Оса, основанном в 1591 г., хранится память о многих исторических событиях, происходивших на этой земле за четыре столетия. На протяжении советского времени центральным историческим событием Осы считалась крестьянская война 1773–1775 гг., а ключевым историческим

²³ Чагин Г.Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. С. 138

²⁴ 19 регионов стали участниками национального туристического проекта «Императорский маршрут» // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/news/16395/> (дата обращения: 20.02.2021).

героем – Е. Пугачев, взявший Осу в 1774 г. При этом, еще до событий крестьянской войны Оса стала свидетелем другого общегосударственного дела: в 1733 г. в Осе останавливался В. Беринг во время Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Несмотря на то, что данное событие всегда оставалось в памяти горожан, Оса как «место памяти» экспедиции и самого В. Беринга начала позиционироваться совсем недавно. С 2017 г. Оса стала частью федерального проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции», состоящего из серии туров на пути следования Великой Северной экспедиции XVIII века под руководством В. Беринга и А. Чирикова. Организатором проекта является И. Маматов, уроженец Осы. За последние годы в Осе установлен памятный знак Берингу, обустроен сквер, оформлена новая музейная экспозиция, заложена традиция проведения ежегодного фестиваля «Оса – акватория Беринга».

Благодаря данному проекту город получает новую стратегию для продвижения. Имя Беринга всегда оставалось в памяти дореволюционной и советской России (так, например, в 1970 г. вышел известный фильм «Баллада о Беринге и его друзьях»). Но едва ли за пределами Осы кто-нибудь ассоциировал этот город с именем Беринга. В наши дни, в результате конструирования нового образа, складывается новая идентичность, становящаяся общепринятой.

В массовых мероприятиях последнего времени в Пермском крае четко прослеживается тенденция сближения с историей дореволюционного прошлого: с его атмосферой, церемониальными практиками, одеждами. Так, в 2016 г. на открытии памятника графу П.А. Строганову в пос. Павловский ряд гостей праздника были одеты в костюмы, стилизованные под моду XVIII–XIX вв.), играла классическая музыка. Библиотекарь-краевед Т.М. Степанова объясняла происходившее на церемонии тем, что современные люди таким путем «хотят стать частью благородной истории»²⁵. Подобных примеров в Пермском крае немало: в г. Очер популярностью пользуются театрализованные экскурсии в духе «Золотого века», а в пос. Ильинское в бывшем доме управляющего проводятся костюмированные балы.

---

²⁵ Экспертное интервью с Т.М. Степановой, сотрудником музея-библиотеки в пос. Павловский. Записано в пос. Павловский 23.07.2016 автором статьи.

Открытие памятника графу Павлу Строганову в пос. Павловский,
Пермский край, 23.07.2016.
Источник: фото автора.

В марте 2021 г. консалтинговая компания «Стрелка» рассчитала индекс туристической привлекательности регионов России, основанный на впечатлениях путешественников (было проанализировано более 6 млн публикаций в социальных сетях). Эксперты пришли к выводу, что «нематериальное наследие – преимущество на туристическом рынке»²⁶. В результате их исследования было выявлено, что уникальная нематериальная культура регионов – музыка, танец, кулинария, язык, традиции, ремесла, религия – сегодня опережает по количеству упоминаний памятники архитектуры, исторические достопримечательности и другие элементы материального наследия, а по доле позитивных текстов нематериальная культура уступает только впечатлениям о природе. Все это объясняет растущую популярность реконструкции образов прошлого через сближение с их практиками: нарядами и церемониями. Конструирование исторической памяти должно подкрепляться практиками публичной истории, через которые возможно включение людей в те смыслы, которые заложены в местах памяти. Более того, с помощью символических действий и практик публичной истории образы прошлого получают новое звучание и новые возможности для применения.

---

²⁶ КБ Стрелка рассчитала индекс туристической привлекательности регионов России // Strelka Mag. URL: <https://strelkamag.com/ru/news/kb-strelka-rasschital-indeks-turisticheskoi-privlekatelnosti-regionov-rossii> (дата обращения: 22.03.2021).

«Усолье Строгановское» как «квинтэссенция исторического образа» и «полифония историко-культурных пересечений»

В большинстве случаев региональные стратегии по конструированию исторической памяти ограничиваются набором культурно-массовых мероприятий с историческим окрасом, установкой памятников, переименованием объектов, расширением музейных экспозиций. В отдельных случаях потенциал исторического образа для региона считается настолько высоким, что может стать брендом всей территории, а потому нуждается в особых средствах конструирования. В качестве исторического обоснования (возможно, мифологизированного) регионам необходимы материальные объекты историко-культурного наследия, имеющие потенциал к сакрализации, а также целый комплекс мероприятий, привлекающий к конструированию бренда общественно-политические силы региона. Таким объектом может стать небольшой исторический город, центром которого является историко-архитектурный заповедник. Подобный город концентрирует на себе исторический образ и сам производит смыслы, работающие на продвижение этого образа.

Исследователи из Томского университета в 2019 г. рассмотрели кейс по «возрождению» Болгара и Свияжска в республике Татарстан как новейший опыт конструирования исторической памяти в условиях региональной политической ситуации. Для региональных властей было важно подчеркнуть историческую и религиозную преемственность между историческими городами-символами: Болгар – татарской и исламской культуры, Свияжск – русской и православной. Для этого была проведена большая работа по реализации необходимых смыслов, начало которой было положено в 2010 году президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым. В результате сегодня Свияжск представляет собой музей-заповедник федерального значения «Остров-град Свияжск», а в Болгаре организован Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Все проведенные с этой целью работы были частью комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и Древний Болгар», включающего как реставрацию архитектурных памятников, так и развитие туристической инфраструктуры.

Данные примеры говорят о том, что прошлое при наличии исторического обоснования может стать продуктивным ресурсом для формирования идентичности региона и продвижения его на государственном уровне. Исторический образ может быть ранее не использован в качестве конструкта идентичности, как, например, экспедиция В. Беринга в Осе, или может быть вновь включен в политику памяти, как образ М. Романова в Ныробе. Однако, когда на одной территории исторических образов много, возникают трудности.

Туристический центр каждые несколько лет перебирает список исторических брендов Пермского края, а в Перми, несмотря на многократные попытки утвердить что-то одно (общие образы «Культурная столица», «Соль земли», «Врата в Европу», «Новый пермский период» или персонифицированные «Строгановы», «Дягилев», «Татищев», «Ермак» и др.), ни один из брендов не был утвержден на долгий срок. По мнению руководителя проектного офиса «Усолье Строгановское» О.Н. Сафрошенко, высказанному в интервью автору исследования:

В Перми нет квинтэссенции образа Строгановых. Их много и они растянуты. Чем богаче наследие, тем труднее его использовать²⁷.

Но способен ли исторический образ, собранный в «квинтэссенцию» в одном месте (в одной отдельно взятой территории региона, городе, музее-заповеднике) оказывать идеологическое влияние на всю идентичность региона? Кейс с возрождением Болгара подтверждает подобную возможность. Город стал местом памяти, общепринятой точкой отсчета, откуда началась исламизация региона в 922 г. Сегодня данное значение Болгара является определяющим для идентичности всей республики Татарстан.

Подобным кейсом в Пермском крае может стать возрождение Усолья Строгановского, которое при выполнении ряда условий в широкой перспективе также имеет потенциал определять идентичность региона. Исходные данные между двумя территориями схожи: в Болгаре проживает чуть более 8 000 человек (в Республике Татарстан – более 3.5 млн), а в Усолье – чуть более 6 000 (в Пермском крае – более 2.5 млн), в обоих местах до определенного момента историческое наследие считалось неоспоримо важным для региона, но проекты получили развитие только после того, как оказались вовлечены в культурную политику региональных властей.

Усолье было основано в 1606 г. как центр солеваренной промышленности Прикамья на месте слободы Новое Усолье. До конца XVIII века Новое Усолье было главным селением Строгановых на Каме. Сегодня на территории Усолья действует музей-заповедник «Усолье Строгановское», а с 2019 г. существует проект восстановления историко-культурного комплекса и развития территории. Основной задачей проекта является формирование музейно-туристского комплекса, что может стать возможным благодаря созданию обеспечивающей инфраструктуры и реставрации объектов культурного наследия. Также немаловажной задачей является обеспечение такого

---

²⁷ Экспертное интервью с О.Н. Сафрошенко, руководителем проектного офиса «Усолье Строгановское». Записано автором статьи в Перми 19.11.2020.

событийного ряда, который бы презентовал регион. Согласно положениям нового мастер-плана Усолья Строгановского, историко-архитектурный комплекс «является якорным объектом для реализации стратегии развития туризма в Пермском крае»²⁸. К реализации данного проекта подключились российские организации, работающие с наследием Строгановых: Государственный Эрмитаж, Русский музей, Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова, филиал Государственного Русского музея – «Строгановский дворец», Пермская государственная художественная галерея, Пермский краеведческий музей, муниципальные музеи. По признанию создателей проекта, предыдущий губернатор Пермского края М.Г. Решетников собирался данный проект сделать «своей быстрой победой». Несмотря на смену руководства, стратегические планы на Усолье не изменились. Разве что только теперь победа не планируется столь быстрой – реализация мастер-плана рассчитана на 15 лет.

УСОЛЬЕ – ПРЕДПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ.
ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ОКН

УСОЛЬЕ. ИДЕОЛОГИЯ. ПРИОРИТЕТЫ 7

«Усолье Строгановское», проект восстановления историко-культурного комплекса.

Источник: Сайт губернатора и Правительства Пермского края²⁹.

²⁸ Мастер-план Усольского историко-архитектурного комплекса «Возрождение Усолья» 2020 г., не опубликован, для внутреннего пользования. Любезно предоставлен автору статьи руководителем проектного офиса «Усолье Строгановское» О.Н. Сафрошенко для научного исследования 18.01.2021.

²⁹ «Усолье Строгановское», проект восстановления историко-культурного комплекса // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: <https://clck.ru/iKNBV> (дата обращения: 20.02.2021).

Согласно данным SWOT-анализа территории, полученным на основании результатов опросов жителей Березников и Усоля, которые осуществлялись рабочей группой мастер-плана, к сильным сторонам Усоля отнесены проводимые там на сегодняшний день мастер-классы и мероприятия, а также архитектура. Это подтверждает и устойчивый рост количества туристов, посещающих достопримечательности Усольского района, который в период с 2015 по 2017 г. составил около 22 %. Постоянно увеличивается количество экскурсантов: с 2012 по 2016 г. количество посещений выросло с 27 000 до 54 350 чел. Так, наиболее привлекательной формой посещения комплекса является историко-культурный и событийный туризм, что соотносится и другими проектами территорий: проект, посвященный памяти В. Беринга, в Осе достигает пика вовлечения населения на «Акватории» в июле, а М. Романова – на Романовских днях в сентябре. При этом в мастер-плане было отмечено, что в Усолье мастер-классы и мероприятия люди посещают более охотно, чем музеи. Вероятно, это связано с тем, что на протяжении последних десятилетий ситуация с музеями не меняется, функционируют лишь те из них, что были созданы на первой волне переосмысления исторического наследия, новые же – не появляются.

Обращает на себя внимание, что проект называется не просто «Усолье» по названию населенного пункта, а «Усолье Строгановское», что обусловлено преобладанием исторического наследия Строгановых на данной территории. Однако, на этих землях оставили заметный след и представители других известных дворянских фамилий, которые, как знаки, согласно В. Абашеву, должны сложиться в связный текст:

Целостность текста предполагает его внутреннюю связность, способность отдельных элементов вступать в синтагматические сюжетообразующие отношения, формировать устойчивые смысловые структуры, в дальнейшем влияющие на культурную практику³⁰.

В этом вопросе в Усолье был найден компромиссный вариант между образами Строгановых и другими историческими персонами, чье наследие представлено на территории заповедника. Согласно положениям мастер-плана, главная идея развития музея —

представить территорию как полифонию культурно-исторических, социально-экономических пересечений, где найдется место Строгановым, Голицыным,

---

³⁰ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. С. 62.

Абамелек-Лазаревым, Шуваловым, Шаховским и другим значимым фигурам усольской истории³¹.

От того, каким образом и насколько успешно в Усолье будут осуществлены практики по обеспечению «полифонии историко-культурных пересечений», во многом будут зависеть перспективы их применения в Пермском крае в целом. В крае данных пересечений намного больше и они сложнее, как вследствие исторических, так и географических, и социальных факторов. Опыт последних десятилетий показывает, что найти доминирующий исторический образ, объединяющий жителей юга и севера Пермского края, рабочих Перми и интеллигенцию – задача трудная. Однако те конструктивные шаги, которые будут сделаны в Усолье, могут стать полезными в данном направлении.

Одной из важных мер для того, чтобы история места не перешла в категорию развлечений, а стала фактором формирования идентичности жителей, укрепляя их связь с малой Родиной, является формирование комплекса Усолья как научно-образовательного центра. В данном контексте большая роль отводится практикам публичной истории, рассчитанным на разные целевые аудитории, среди которых можно выделить ряд основных. На детей рассчитаны творческие конкурсы и летние лагеря. Для школьной аудитории предполагается развивать волонтерское движение, программы мастер-классов, уроки краеведения на территории, летние экспедиции и лагеря. Студенчество планируется вовлекать через музейно-исследовательские проекты, студенческие практики на территории. Для преподавателей, ученых, исследователей будут организованы исследовательские лаборатории и творческие мастерские. Отдельно следует отметить, что местному населению планируется предложить современный проект по сторителлингу, который ляжет в основу музейных квестов и спектаклей.

Научно-просветительское направление основывается на трансляции Строгановского исторического образа. Кроме продолжения проведения научной конференции «Строгановские чтения», предполагается акцентировать на строгановском наследии образовательные программы: «строгановская иконопись», «строгановская школа пения», «строгановское золотное шитье» и др. При этом устоявшиеся перечисленные строгановские направления могут быть дополнены новыми, такими, как «строгановская финансово-экономическая модель» или «строгановские университеты и меценатство».

Конечно, было бы излишне оптимистично утверждать, что реализация всех научно-образовательных программ и музейных проектов в Усолье станет примером для распространения строгановского исторического образа во всем

³¹ *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. С. 62.

регионе. Однако, учитывая, что задачей максимум проекта является создание сети «Строгановских мест» (которые занимают всю центральную часть Пермского края) и включение бренда «Усолъе Строгановское» в европейский культурный маршрут, это может стать реальным. Таким образом, кейс проекта «Усолъе Строгановское» может продемонстрировать, как исторический проект, развитый на локальном уровне, имеет перспективы стать конструктом идентичности на уровне края.

Заключение

Для сегодняшнего дня в регионах характерна тенденция востребованности исторических образов: их использование предоставляет возможности для развития исторической политики, имиджевого продвижения, их применение может стать конкурентным преимуществом перед другими регионами в плане туристической привлекательности.

В то же время, определение ключевого исторического образа для региона сталкивается с рядом трудностей: необходимо соблюсти баланс между политикой федерального центра и региональной стратегией. Кроме того, на сегодняшний день не существует универсального способа выявления единого исторического образа. Всенародное интернет-голосование и экспертные фокус-группы могут быть эффективны, но в том случае, если они будут включены в программы региональной политики памяти и культурные стратегии.

Возросший интерес к образам и персонам прошлого закономерно приводит к тому, что они становятся частью публичной истории и событийной повестки регионов. В Пермском крае мы фиксируем преобладание дореволюционных образов в ряде событий, связанных с именами Романовых, Строгановых, В. Беринга и др. в местах их памяти, что объясняется с одной стороны ностальгическими чувствами по «золотому веку», а с другой – повышающимся запросом на нематериальную культуру регионов. Исторические образы сегодня сосредоточены не столько вокруг архитектурных сооружений, сколько вокруг культурного наследия: традиций, музыки, ремесел и т.д. Таким образом, выявление ключевого исторического образа для региона напрямую зависит от того, как культурные направления, связанные с ним, будут развиваться внутри территории. Это позволяет пересмотреть значение практик публичной истории, которые работают с культурным наследием, и отвести им более заметное место в региональной культурной политике, выработать новые идеи и подходы в этом направлении.

Масштабные региональные исторические проекты, такие, как «Усолъе Строгановское», которые затрагивают все сферы жизни населенного пункта, становятся уникальной площадкой для изучения влияния исторического образа на развитие территории. Факт, что на сегодняшний день проект «Усолъе

Строгановское» находится на начальной стадии реализации, позволяет поэтапно анализировать все процессы, связанные с формированием идентичности внутри города, и исследовать его влияние на весь регион.

The Past as a Construct

In recent years, more and more attention has been paid by researchers to the issues of updating the politics of memory and the opportunities of the past that are opening up for the present. In this case, the past acts as a construct, “a resource for legitimizing and reassembling the present-day identities.”¹ Both at the federal and at the regional level, we can observe the return of historical street names and installation of new memorial objects associated with the memory of the past, which in the modern context receive new meanings. Relevant examples include the installation of the monuments to Prince Vladimir in Moscow and to P. Stolypin in Saratov as symbols of greatness of authority and strong state; memorial plaques to A. Kolchak and C. Mannerheim in St Petersburg (dismantled after a short while) that according to ex-Minister of Culture of the Russian Federation V. Medinsky, were designed “to overcome the tragic split in our society on the eve of the centenary of the Russian Revolution.”² The public response that arose after the installation of the monument to Ivan the Terrible in Orel in 2016 and heated discussions of the possibility of restoring the monument to F. Dzerzhinsky in Lubyanka (or replacing it with a monument to Alexander Nevsky as a compromise) in 2021 only demonstrate the fact that society has not yet formed a unified opinion about the past and its impact on the present.

Over the last few years, a number of studies have been published in the field of the politics of memory.³ In particular, A. Miller understands it as a set of “various

---

¹ O.V. Vorob'eva and F.V. Nikolai, “Politics of memory, challenges to identity and strategies for overcoming social and cultural threats in Russian and English-speaking cultural studies” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4 (2020): 173–80.

² “Everyone had their own truth. Sergei Ivanov unveiled a memorial plaque in honor of Karl Mannerheim” [in Russian], *Rossiyskaya Gazeta*, accessed February 20, 2021, <https://rg.ru/2016/06/16/reg-szfo/v-peterburge-ustanovili-pamiatnuiu-dosku-mannergejmu.html>

³ L.P. Repina, ed., “History and memory: Historical culture of Europe before the beginning of the Modern Era” [in Russian] (Moscow: Krug", 2006); Yu.A. Safronova, *Historical memory: an introduction: a textbook* (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge,

social practices and norms related to the regulation of collective memory”⁴ aimed at preserving the memory of significant events of the past. These processes also include the commemorative practices where politics “works with social ideas about the past, but not with the past itself.”⁵

Particular research interest of scientists working in this field is related to the relationship between the politics of memory and regional identity.⁶ Regional strategies that include actions to preserve memory become the subject of consideration as separate cases with their own distinctive features. In such a situation, it is becoming more and more difficult for the federal center to apply a universal approach to the regions and to offer some general meanings that do not take local peculiarities into account.

This means that the interpretation offered by the French historian F. Braudel is becoming productive in regional studies and the region is viewed as an analogue of a special world with its own mentality, way of thinking, traditions, worldview, and perception.⁷ In such matters as shaping the historical image of a territory and choosing a central historical figure, it is necessary to apply a comprehensive approach based on the politics of memory in the region. At the same time, the emergence of new historical images and symbols during the implementation of the memory policy or the restoration of the old ones are meant to unite people and to form their identity. The study of the opportunities of such images and symbols is also the subject of

---

2019); A.V. Gladyshev, ed., *History and historical memory: interuniversity collection of scientific works* [in Russian], is. 1 (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2010).

⁴ A. Miller, “Russia: power and history” [in Russian], *Pro et contra*, vol. 13, no. 3–4 (2009): 6–13.

⁵ O.Yu. Malinova, “Politics of memory as a branch of symbolic politics” [in Russian], in *Methodological issues of studying politics of memory*, ed. A.I. Miller and D.V. Efremenko (Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018), 27–53.

⁶ E.V. Golovneva, “Regional identity and identity of the region” [in Russian], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 3 (167) (2017): 182–89; V.N. Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory and prospects of post-national identity* [in Russian] (Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019); L.A. Fadeeva, “Psychological and cultural grounds for identity construction: Perm case” [in Russian], in *Prospects for the development of political psychology: new directions: proceedings of the international scientific conference (October 22–23, 2010, Lomonosov Moscow State University)*, ed. E.B. Shestopal (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012), 206–14.

⁷ F. Braudel, *Civilization and capitalism, 15th–18th century* [in Russian], vol. 3, *World time* (Moscow: Ves' mir, 2007), 41.

scientific research today with the prospect of possible inclusion of the results obtained in state and regional historical policy.⁸

It should be noted that after the 1990s, the trend arose of referring to the pre-Soviet past associated with the names of Russian emperors and famous noble families, in the manner that had been impossible in previous years:

... the past that preceded the Soviet past was not only preserved in the category of “usable” but was also significantly idealized and approximated, among other things, symbolically. . . and the pantheon of “suitable” images was replenished with new cult figures, such as the Romanovs, Stolypin, leaders of the White movement, and other characters that were to symbolize “Russia that we have lost.”⁹

At the same time, this kind of nostalgia revives interest not only in the pre-revolutionary past of one’s own family, expressed in the study of family archives and a sense of belonging to a small homeland, but also interest in the past in general. According to L. Repina,

... in a nostalgic way, the past is not just preserved, but played out again. . . , and it is usually (though not always) portrayed in the most attractive light. . . . Through the process of selective amnesia, the past turns into a “golden age.”¹⁰

Therefore, the past, which seems to be filled with heroic images and events as well as high culture and traditions, becomes a resource for solving the problems that the present is facing. A team of researchers from Tomsk University came to the conclusion that “not the future, but the past is the main resource of Russian modernization”¹¹ today. They note that the sociocultural potential of social memory associated with nostalgic public sentiments can be used to configure the modern social order.

In this regard, in our study we use the methodological approach that considers memory primarily as a construct, focusing on possible goals and ways of interacting with it, since memory is not located in a certain place and not completely contained

---

⁸ O.V. Ignat'eva and O.V. Lysenko, “Symbolic landscapes of urban space” [in Russian], in *Perm as style. Presentations of Perm urban identity*, ed. O.V. Lysenko and E.G. Tregubova (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2013), 100–32.

⁹ Yu.Yu. Khmelevskaya, “Historians and the usable past: on disciplinary limits and disciplining functions of history in contemporary society” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istorija*, no. 1 (2016): 162–73.

¹⁰ L.P. Repina, *Cultural memory and problems of historiography: (historiographical sketches)*, [in Russian] (Moscow: GU VShE, 2003), 32.

¹¹ Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory*, 164.

in someone; instead, it realizes itself through its application.¹² Following P. Nora, we understand places of memory in a broad sense, as a unity of the spiritual and the material that becomes a symbolic element of heritage. In our work, we consider this formation as a result of the actions of the authorities in relation to traditions, according to E. Hobsbawm,

An ‘invented tradition’ is taken to mean a set of practices, normally governed by overtly or tacitly accepted rules and of a ritual or symbolic nature, which seek to inculcate certain values and norms of behavior by repetition, which automatically implies continuity with the past.¹³

Thus, the authorities invent traditions that are capable of maintaining national identity, doing so by means of festive ceremonies and rituals, minutes of silence, processions, laying wreaths, etc.

In recent years, the actions of state authorities in the field of traditions have been largely associated with the appeal to the history of the Great Patriotic War of 1941–45. It is quite obvious that their peak was attained in 2020, when the 75th Victory anniversary was widely celebrated in Russia. Victory marches (which, despite the pandemic, were not canceled but only postponed from May 9 to June 24) as well as a record number of events and projects were timed to coincide with the anniversary. For instance, a nationwide competition was held in the country in 2020. As a result of the competition, 20 cities of Russia received the status of “the city of labor valor,” and in the course of the competition a large information campaign was organized by regional and federal authorities and an Internet vote was held, in which millions of people took part. Obviously, by giving a huge number of people an opportunity to participate in competitive events and to vote for the honorary status of the city of labor valor, the authorities sought to attract the maximum number of Russian citizens to the idea of the national identity.

At the same time, against the background of following the meanings that the state forms, the regions tend to develop their own identities. Regional authorities have recently realized that the region itself is primarily interested in an effective memory policy and the opportunities it provides. Romanian researcher L. Bejenaru confirms this idea citing the representatives of the Crimean Geopoetic Club:

---

¹² S.J. Schmidt, “Memory and remembrance: a constructivist approach,” in *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*, ed. A. Erll and A. Nunning (Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008), 196.

¹³ E. Hobsbawm, “The invention of tradition” [in Russian], *Vestnik Evrazii*, no. 1 (2000): 48.

The region with its rich mythology (historically authentic or fictional) attracts attention, . . . its life becomes richer, that is why “the region asks for rebranding.”¹⁴

Thus, an important task of the region is to compare its historical policy with the nationwide one so that historical images could coexist with each other, uniting rather than dividing the residents.

For example, in the small village of Lotoshino in Moscow Oblast, where in the past decades the entire historical memory has been concentrated around the Battle of Moscow, which took place in its territory, a new politics of memory including new meanings is being developed. For instance, an exposition dedicated to the family of Meshchersky, the princes whose family estate was located in the village of Lotoshino, was opened in the historical museum of the village, and soon it is planned to erect a monument to Prince A. Meshchersky (1822–1900). At the presentation of the design of the monument, the head of the urban locality E. Dolgasova noted:

The family of Princes Meshchersky did a lot for the development of the Lotoshino land. The erection of this monument will signify restoration of historical justice and recognition of the merits of this family.¹⁵

The emergence of new personalized historical images within the regions is also one of the trends of present-day politics of memory. This is largely due to “the competition with other regions for the conferment of most profitable (politically rather than economically) historical narratives.”¹⁶ This process can be clearly seen on the example of the federal contest “Great Names of Russia,” which was held in 2019. Within the framework of this competition, central historical figures of certain regions were to be voted for throughout the country so that regional airports could then be named after them later on. According to the information on the official website of the project, 6 million Russians took part in the vote.¹⁷ Despite such a significant number of voters, it came as a surprise to the residents of a number of regions that their real historical identity remained essentially unaccounted for, and the persons corresponding to the political views of the authorities became the winners. For example, the key historical figure for Kaliningrad was the Empress Elizabeth I,

---

¹⁴ L. Bejenaru, “Region as a subcultural locus of cultural regionalism and regional geopoetics,” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 977.

¹⁵ “The design of the monument to Prince Meshchersky was presented at the Lotoshinsky Museum” [in Russian], Website of the administration of the urban locality of Lotoshino, Moscow Oblast, accessed February 20, 2021, <https://www.лотошинье.рф/news/get/12371/>

¹⁶ Syrov, et al., *Conceptual grounds of the politics of memory*, 153.

¹⁷ “The results of the competition have been summed up: 46 airports will receive great names” [in Russian], *Velikie imena Rossii*, accessed February 20, 2021, <https://великиеимена.рф/>

but not I. Kant – *genius loci*, the spirit of the 750-year-old city (according to the definition of the historical section of the Kaliningrad administration website.¹⁸) In Murmansk, the airport was named after Emperor Nicholas II, the other figure of all-Russian scale, very vaguely connected with the city itself. Thus, even such a democratic way of choosing the central historical figure of a territory as a nationwide Internet voting can hardly be described as optimal.

In the same 2019, another federal project “Living Heritage” was implemented under the supervision of the Civic Chamber of the Russian Federation and the Presidential Grants Foundation. As part of this project, a national map of local cultural brands of Russia was compiled, where the main “nominations” were determined in each region: persons, images, dates, and events. The leaders were determined by an expert jury, the opinions of local experts were taken into account when choosing people, and round tables were held in some cities to discuss possible brands. However, this method of selection was not without drawbacks: for example, in Perm Krai, despite the fact that the Stroganovs, B. Pasternak, and V. Tatishchev were chosen as key historical figures, B. Pasternak became the sole leader because according to the key criterion of the competition, a person with the status of a Nobel laureate automatically fell into the “selected corpus of local brands.”¹⁹ It would be an exaggeration to consider the Nobel Prize as the determining factor for the majority of the residents of the region in choosing a historical person. Boris Pasternak’s position in this capacity is theoretically possible for Perm, but rather due to the associations of the city of Yuryatin in the novel *Doctor Zhivago* with Perm than to the status of a Nobel laureate. However, in this case, it was this factor that played a crucial role.

All this suggests that in order to demonstrate effectiveness in identifying key historical images, both online voting and the work of experts must be included in the regional politics of memory. In turn, the regions need to find a balance between following the path of a common national identity of the state and developing their uniqueness that will give them a competitive advantage over other regions. In this process, we can observe an increased interest in the images and persons of the past, especially pre-revolutionary ones, as a result of nostalgic feelings for the lost “golden age”. Using them to construct identity, the authorities get ample opportunities but historical accuracy and authenticity should remain the key principles. Otherwise, if historical images become the result of political construction without strategic

---

¹⁸ “Kant – Königsberg – Kaliningrad” [in Russian], Website of the administration of the city of Kaliningrad, accessed February 20, 2021, https://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php

¹⁹ “Research and systematization of the corpus of local cultural brands of the Russian Federation” [in Russian], *Living heritage*, accessed February 20, 2021, <https://livingheritage.ru/files/brands-study-selection.pdf>

elaboration, there will be a prospect that they will undergo changes following a change in the ruling course, as history has repeatedly demonstrated.

Search for images of the past in the territory of Perm Krai

In September 2020, Perm hosted the first Interregional Tourism Fair, where Perm Tourist Information Center presented the main brands of Perm Krai. Earlier, in 2016, an article entitled “Brands of Perm Krai. The main brands of the territory”²⁰ was published on the official website of the tourist center. The materials of the center may well be considered as a reflection of the official position of the regional authorities, since the center was established in 2013 at the initiative of the Ministry of Physical Culture, Sports and Tourism of Perm Krai in order to develop and popularize domestic and inbound tourism in the region.

The establishment of regional tourist centers is an all-Russian practice of the last decade. In addition to carrying out the main information activities, they are also the agents of regional policy in the field of culture, forming the image of the region. In this regard, it is noteworthy that the list underwent significant changes in four years: some brands were added, and others were removed from the list.

Table 1

Comparison of the positioning of Perm Krai’s brands in the text on the official website of the Perm Tourist Information Centre (2016) and in the presentation at the Interregional Tourism Fair in Perm (2020)

No.	2016	2020
1.	Perm animal style	Permian period
2.	Perm theatres	Permyak Salty Ears
3.	The salt capital of Russia, the birthplace of salt production	Perm gods
4.	Tea Capital of the Russian Empire	Russian seasons
5.	Perm the Great Cherdyn	Perm cuisine
6.	Permian period	Active Perm
7.	Perm wooden gods	The Stroganov Dynasty
8.	–	Bering’s Great Expedition
9.	–	Kama River

The emergence of such brands as Active Perm and Kama River can be explained by the desire to develop active rest and cruises, which is additionally evidenced by the release of specialized maps on this topic by the tourist center in 2019. At the same

²⁰ “Brands of Perm Krai” [in Russian], *Great Perm*, accessed February 20, 2021, <http://visitperm.ru/press/articles/brendy-permskogo-kraya/>

time, it is interesting to note the addition of two personalized stories to the list of brands (The Stroganov Dynasty and Bering's Great Expedition) and the removal of the Perm Animal Style brand, which occupied the first line in 2016. The Tea Capital of the Russian Empire and Perm the Great Cherdyn were removed from the list as well. We can see quite significant changes in the historical brands of the region that occurred over a short period of time, which indicates a shapeless position of the regional authorities on the promotion of the region and the absence of a single historical image. After the "cultural revolution" in Perm in 2008–12 and the return to conservative strategies of cultural development, the region continues to be in search of its identity.

It is also noteworthy that the emphasis in the cultural positioning of the region is on historical images: on the information stands placed in the cities of Perm Krai, all tourist routes have a historical basis. For instance, each of the routes on the stand at the Local History Museum of the town of Osa in Perm Krai, covering the main tourist areas of the region, is of a historical nature one way or another.²¹

Table 2

The correlation of tourist routes in Perm Krai presented on the information stand in Osa (2019) with a map of tourist areas of Perm Krai (2020)

Tourist routes	Tourist areas of Perm Krai
Great Perm; The Imperial Route	Northern Ural
Ancient Parma and Komi-Permyaks	Parma
"Salt Capital"	Upper Kama
The legacy of the Stroganov dynasty; Khokhlovka, the center of wooden architecture	Middle Kama
Great Northern Expedition	Lower Kama
Mining Civilization	Mining Urals
Tea Capital of the Urals; The Imperial Route	Cis-Urals

Tourists are supposed to travel along these routes independently visiting museums related to a given topic. In the territories included in the tourist routes, large-scale cultural events with a historical context are held: the ethno-landscape festival "The Call of Parma" (Northern Urals), the festival of historical reconstruction "Big Maneuvers on the Khokhlov Hills" (Middle Kama), the festivals "Stroganov

²¹ A.A. Zaitsev, S.V. P'yankova, and N.V. Bazhukova, "Map 'Tourism'," in *Geography of Perm Krai. Atlas: educational and reference manual* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2020), 46.

Week” (Upper Kama), “Osa, Bering’s water area” (Lower Kama), etc. For residents of the territories where they are held, many of these events are central and iconic, being the main events of the year, due to which a large audience can be gathered. The regatta, motor boating, camping, and a series of musical concerts that are held within the framework of these festivals could be held without reference to historical images, but the historical component of the events is in high demand. The festivals are held not only for the entertainment of the public and commercial gain but also for the formation of the identity of the region. They are built into cultural policy.

Top row from left to right: the Festivals “Stroganov Week” and “The Romanovs’ Days” in Nyrob. Bottom row: the festival “Osa, Bering’s water area,” a theatrical tour in the museum of the town of Ocher.

Source: photo collage by the author of the article.

The events held as part of the region's identity formation reveal the problem of choosing the key historical image for the region: how to choose the most suitable one, when each of them corresponds to its territory and social group? V. Abashev writes that all images (signs of Perm) form a single whole, making up the so-called Perm dictionary, where "Stefan of Perm," "Permian period," "Diaghilev," "Pasternak," etc. are "dictionary entries." Each of these signs, according to V. Abashev, is in demand:

They are not equivalent, each has its own range. . . . There are signs that form the center, the core of the Permian paradigmatics, and signs located on its periphery.²²

By working on the construction of an image, the concerned groups are able to increase the degree of its demand, which may result in moving the image from the periphery closer to the core. In some cases, thanks to the program work, the tradition of honoring historical heroes becomes part of a large federal project, thus promoting its status.

Since 2007, the events dedicated to the memory of boyar Mikhail Nikitich Romanov (1560–1602) have been held annually in the village of Nyrob, Cherdynsky Raion of Perm Krai. The choice of the place is connected with the fact that the disgraced boyar was exiled to Nyrob in 1601 and ended his days there. There is a museum of Mikhail Romanov in the village, and scientific and practical conferences and theatrical performances have been held for many years in the days of his memory. The tradition of honoring M. Romanov is restored rather than invented. A special attitude to this place in Russia was formed a long time ago. G. Chagin notes that in 1913, "real historical events were an occasion. . . to celebrate the 300th anniversary of the Romanovs' reign in Nyrob in a special way."²³ After the revolution, public reverence of the representative of the House of Romanov became impossible, and the chapel built over the pit where the uncle of the first Romanov tsar was kept was destroyed. Almost a century later, at the request of the local population and with the support of the regional authorities, the tradition of reverence was revived.

In 2020, Nyrob became part of the federal project "The Imperial Route" dedicated to the places of memory of the House of Romanov in Russia. Two years earlier, in 2018, Perm became an important part of this project, which is implemented by the Ministry of Culture of the Russian Federation together with the Elisabeth-Sergius Educational Society Foundation for the Revival of the Traditions of Mercy and

---

²² V.V. Abashev, *Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century* [in Russian] (Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008), 62.

²³ G.N. Chagin, *Historical knowledge of the peoples of the Urals in the 19th – early 21st centuries* [in Russian] (Yekaterinburg: Sokrat, 2011), 138.

Charity. It was due to the stay and death in Perm of Grand Duke Mikhail Aleksandrovich of Russia (1878–1918) and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna of Russia (1864–1918). By 2020 the project had united 19 regions of Russia – places of residence and memory of the members of the House of Romanov. On the website of the Federal Agency for Tourism, the task of the Imperial Route project is described as follows:

The national historical and cultural tourism project “The Imperial Route” gives an opportunity to take a fresh look at our history and introduce the younger generation to the continuous chain of historical events in Russia.²⁴

While the Imperial Route project is an example of reconstructing the pre-Soviet image of the past within the strategy of the state’s politics of memory, another example from Perm Krai can be considered as the construction of a new image (though based on the old one).

The town of Osa, founded in 1591, preserves the memory of many historical events that has taken place in this land over four centuries. During the Soviet period, the central historical event of Osa was the Peasant War of 1773–75, and the key historical hero was E. Pugachev, who took Osa in 1774. Even before the Peasant War, Osa witnessed another nationwide affair: in 1733, V. Bering stayed in Osa during the Second Kamchatka Expedition (1733–43). Despite the fact that this event has always remained in the memory of the townspeople, Osa as a place of memory of the expedition and V. Bering himself has come forward quite recently. Since 2017, Osa has become part of the federal project “The Routes of the Great Northern Expedition” that includes a series of tours along the route of the Great Northern Expedition of the 18th century under the leadership of V. Bering and A. Chirikov. I. Mamatov, a native of Osa, is the organizer of the project. In recent years, a memorial sign to Bering has been installed in Osa, a public garden has been equipped, a new museum exposition has been designed, and the tradition of holding the annual “Osa, Bering’s Water Area” festival has been laid.

Thanks to this project, the town receives a new strategy for its promotion. Bering’s name has always remained in the memory of pre-revolutionary and Soviet Russia (for example, in 1970 the famous film *The Ballad of Bering and His Friends* was released). But hardly anyone outside of Osa associated this town with the name of Bering. Nowadays, as a result of the construction of a new image, a new identity is being formed, which is getting generally accepted.

---

²⁴ “19 regions have become participants in the national tourism project ‘Imperial Route’” [in Russian], *Federal Agency for Tourism*, accessed February 20, 2021, <https://tourism.gov.ru/news/16395/>

Recent mass events in Perm Krai clearly tend to draw closer to the history of the pre-revolutionary past with its atmosphere, ceremonial practices, and garments. For instance, a number of guests were wearing costumes stylized in the fashion of the 18th–19th centuries and classical music was playing at the opening of the monument to Count P. Stroganov in the village of Pavlovsky in 2016. Expert in local historian, librarian T. Stepanova explained that what was happening at the ceremony was connected with the fact that today people “want to become part of a noble history.”²⁵ There are a lot of similar examples in Perm Krai: theatrical excursions in the style of the “golden age” are very popular in Ocher, and costume balls are held in the former steward’s house in the village of Ilyinskoe.

Opening of the monument to Count Pavel Stroganov in Pavlovsky,
Perm Oblast, July 23, 2016.

Source: photo by the author of the article.

In March 2021, the Strelka consulting company calculated the index of tourist attractiveness of Russian regions based on the impressions of travellers (more than 6 million publications on social networks were analyzed). Experts came to the conclusion that “intangible heritage is an advantage in the tourist market.”²⁶ As a result of their research, it was revealed that today the unique intangible culture of the

---

²⁵ Expert interview with T.M. Stepanova, an employee of the museum and library in the urban locality of Pavlovsky, recorded in Pavlovsky on July 23, 2016 by the author of the article.

²⁶ “Strelka Institute calculated the index of tourist attractiveness of Russian regions” [in Russian], *Strelka Mag*, accessed March 22, 2021, <https://strelkamag.com/ru/news/kb-strelka-rasschital-indeks-turisticheskoi-privlekatelnosti-regionov-rossii>

regions – music, dance, cooking, language, traditions, crafts, religion – takes the lead over architectural monuments, historical sights, and other elements of material heritage in terms of the number of mentions; and in terms of the share of positive texts, intangible culture is a runner-up to the impressions from nature. All this explains the growing popularity of reconstructing images of the past through rapprochement with their practices: outfits and ceremonies. The construction of historical memory should be supported by the practices of public history, through which it is possible to include people in the meanings that are embedded in the places of memory. Moreover, with the help of symbolic actions and practices of public history, the images of the past receive a new voice and new opportunities for application.

“Usolye Stroganovskoe” as “the quintessence of a historical image” and “polyphony of historical and cultural intersections”

In most cases, regional strategies for the construction of historical memory are limited to a set of cultural events with a historic connotation, the installation of monuments, the renaming of objects, and the expansion of museum expositions. In some cases, the potential of a historical image for a region is considered so high that it can become a brand of the entire territory and therefore requires special tools for construction. As a historical justification (possibly mythologized), the regions need material objects of historical and cultural heritage that have the potential for sacralization as well as a whole range of activities that involve the socio-political forces of the region in the construction of the region’s brand. A small historical town or city with a historical and architectural reserve in the center can be such an object. Such a city concentrates a historical image and produces meanings that work to promote this image.

In 2019, researchers from Tomsk University considered the case of the revival of Bolgar and Sviyazhsk in the Republic of Tatarstan as the latest experience in constructing historical memory in the conditions of a regional political situation. For the regional authorities, it was important to emphasize the historical and religious continuity between the historical symbolic towns: Bolgar, symbolizing Tatar and Islamic culture, and Sviyazhsk, a symbol of Russian and Orthodox cultures. In order to achieve this, much work was done to implement the necessary meanings. This work was commenced in 2010 by President of Tatarstan M. Shaimiev. As a result, today Sviyazhsk is a museum-reserve of federal significance “Island-town of Sviyazhsk,” and the Bulgarian State Historical and Architectural Museum-Reserve was organized in Bolgar. All the work carried out for this purpose was part of the complex project “Cultural Heritage: the island-town of Sviyazhsk and Ancient

Bolgar,” which includes both the restoration of architectural monuments and the development of tourism infrastructure.

These examples suggest that given a historical justification, the past can become a productive resource for shaping the identity of the region and its promotion at the state level. The historical image may not have been previously used as an identity construct, as, for example, V. Bering’s expedition in Osa, or it may be re-included in the politics of memory, as the image of M. Romanov in Nyrob. However, when there are many historical images in one territory, difficulties arise. The tourist center goes through the list of historical brands of Perm Krai every few years, and despite repeated attempts to approve one of them in Perm (the general images “The Cultural Capital,” “Salt of the Earth,” “Gateway to Europe,” “New Permian Period,” or the personalized images “The Stroganovs,” “Diaghilev,” “Tatishchev,” “Yermak”, etc.), none of the brands was approved for a long time. In an interview to the author of this study, O. Safroshenko, head of the Usolye Stroganovskoe project office, said:

There is no quintessence of the Stroganov image in Perm. There are a lot of them but they are stretched. The richer the legacy, the more difficult it is to use it.²⁷

However, is a historical image, assembled into “quintessence” in one place (in one separate territory of the region, city, museum-reserve) capable of exerting an ideological influence on the entire identity of the region? The case of the revival of Bolgar confirms this possibility. The town became a place of memory, a generally accepted reference point from which the Islamization of the region began in 922. Today, this meaning of Bolgar is decisive for the identity of the entire Republic of Tatarstan.

The revival of Usolye Stroganovskoe could be a similar case in Perm Krai. If a number of conditions are met, it has the potential to determine the identity of the region in a broader perspective. The initial data concerning the two territories are similar: a little over 8,000 people live in Bolgar (more than 3.5 million in the Republic of Tatarstan) and just over 6,000 in Usolye (more than 2.5 million in Perm Krai); historical heritage in both places was considered undeniably important for the region up to a certain point, but projects were developed only after they were involved in the cultural policy of regional authorities.

Usolye was founded in 1606 as the center of the salt industry of the Kama region on the site of the settlement of Novoe Usolye. Until the end of the 18th century, Novoe Usolye was the main settlement of the Stroganovs on the Kama. Today, the Usolye Stroganovskoe Museum-Reserve operates on the territory of Usolye, and

---

²⁷ Expert interview with O.N. Safroshenko, head of the Usolye Stroganovskoye project office, recorded in Perm on November 19, 2020 by the author of the article.

since 2019 there has been a project to restore the historical and cultural complex and develop the territory. The main objective of the project is the formation of a museum and tourist complex, which can be made possible through the creation of supporting infrastructure and restoration of cultural heritage sites. One more important task is to provide a series of events that would present the region. According to the provisions of the new master plan of Usolye Stroganovskoe, the historical and architectural complex “is an anchor object for the implementation of the tourism development strategy in Perm Krai.”²⁸ Russian organizations working with the Stroganov heritage have joined the project. Among them are the State Hermitage Museum, the Russian Museum, Moscow Stroganov State Academy of Arts and Industry, the Stroganov Palace (branch of the State Russian Museum), Perm State Art Gallery, Perm Museum of Local Lore, and some municipal museums. According to the creators of the project, M. Reshetnikov, the previous governor of Perm Krai, was going to make this project “his quick victory.” Despite the change of leadership, the strategic plans for Usolye have not changed. But now the victory is not planned to be so fast, as the implementation of the master plan is scheduled for 15 years.

УСОЛЬЕ – ПРЕДПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ.
ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ФУНКЦИОНАЛ ОКН

№	Название	Функционал	№	Название	Функционал
1	Колокольня с торговыми рядами	РПЦ/торговая	8	Типография Тарасова	Инвестпроект
2	Спассо-Преображенский собор	РПЦ	9	Господский дом Строгановых (усадеб)	Инвестпроект – дом приемов
3	Палаты Строгановых	Музей	10	Аптека	Инвестпроект – хостел
4	Усадьба Голицыных	Музей	11	Дом и флигель А. Мальцева	Инвестпроект
5	Дом Амабелек-Лазарева	Музей/объект показа	13	Дом священнослужителя	Музей/адм. здание
6	Дом Брагина	Музей/адм. здание	14	Церковная лавка	Инвестпроект-торговая
7	Часовня Спаса Убруса	Объект показа	15	Больница (комплекс)	Инвестпроект
12	Пекарня Перемотина	Визит-центр/кафе	16	Никольский храм	РПЦ

УСОЛЬЕ. ИДЕОЛОГИЯ. ПРИОРИТЕТЫ 7

Usolye Stroganovskoe, a project for the restoration of the historical and cultural complex.

Source: Website of the Governor and the Government of Perm Krai.²⁹

²⁸ Master plan of the Usolye historical and architectural complex “Revival of Usolye” as of 2020 has not been published, for internal use only, a courtesy of O.N. Safroshenko, granted to the author of the article for scientific research on January 18, 2021.

²⁹ “Usolye Stroganovskoe”, a project for the restoration of the historical and cultural complex” [in Russian], Website of the Governor and the Government of Perm Krai, accessed February 20, 2021, <https://clck.ru/iKNBV>

According to the SWOT analysis of the territory based on the results of surveys of Berezniki and Usolye residents, conducted by the master plan working group, the strengths of Usolye include architecture as well as the workshops and events held there today. This is confirmed by the steady growth in the number of tourists visiting the sights of the Usolye district, which in the period from 2015 to 2017 amounted to about 22%. The number of tourists is constantly increasing: from 2012 to 2016, the number of visitors increased from 27,000 to 54,350 people. The most attractive form of visiting the complex is historical, cultural, and event tourism, which correlates with other projects of the territories: the project dedicated to the memory of V. Bering in Osa reaches the peak of population involvement in the water area in July; M. Romanov, on the Romanov Days in September. At the same time, it was noted in the master plan that people attend workshops and events in Usolye more willingly than museums. This is probably due to the fact that over the past decades the situation with museums has not changed. Only those museums that were created on the first wave of rethinking the historical heritage operate but while new ones do not appear.

It is noteworthy that the project is called not just “Usolye” after the name of the settlement but “Usolye Stroganovskoe,” which is due to the predominance of the historical heritage of the Stroganovs in this area. However, representatives of other well-known noble families left a noticeable mark in these lands, which, according to V. Abashev, should form into a coherent text as symbols:

The integrity of the text implies its internal coherence, the ability of individual elements to enter into syntagmatic plot-forming relationships, to form stable semantic structures that further influence cultural practice.³⁰

In this matter, a compromise was found in Usolye between the images of the Stroganovs and other historical figures whose heritage is represented in the territory of the reserve. According to the provisions of the master plan, the main idea for the development of the museum is

to present the territory as a polyphony of cultural, historical, socio-economic intersections, where there is a place for the Stroganovs, the Golitsyns, the Abamelek-Lazarevs, the Shuvalovs, the Shakhovskois, and other significant figures of Usolye history.³¹

The prospects of their application in Perm Krai as a whole will largely depend on what way and how successfully the practices to ensure the “polyphony of historical and cultural intersections” will be implemented in Usolye. In the region, these

---

³⁰ Abashev, *Perm as text*, 62.

³¹ Abashev, *Perm as text*, 62.

intersections are much larger and more complex due to historical and geographical as well as social factors. The experience of recent decades shows that it is a difficult task to find a dominant historical image that would unite the residents of the south and the north of Perm Krai, Perm workers, and intelligentsia. However, the constructive steps that will be taken in Usolye may be useful in this area.

The formation of the Usolye complex as a scientific and educational center is one of the important measures to ensure that the history of the place does not pass into the category of entertainment but becomes a factor in the formation of the identity of its residents, strengthening their connection with their small homeland. In this context, a large role is assigned to the practices of public history designed for different target audiences. Creative contests and summer camps are intended for children. It is planned to develop a volunteer movement, workshop programs, local history lessons, summer expeditions, and camps for schools. Students are planned to be involved through museum research projects and student internships in the territory. Research laboratories and creative workshops will be organized for teachers, scientists, and researchers. It should be noted separately, that it is planned to offer a modern storytelling project to the local population, which will form the basis of museum quests and performances.

Scientific and educational orientation is based on broadcasting Stroganov's historical image. In addition to continuing the scientific conference "Stroganov Readings," it is planned to focus on the Stroganov heritage educational programs "Stroganov Icon Painting," "Stroganov Singing School," "Stroganov Gold Embroidery," etc. At the same time, the well-established Stroganov areas listed above can be supplemented with the new ones, such as the "Stroganov Financial and Economic model" or "Stroganov Universities and Patronage."

Of course, it would be overly optimistic to say that the implementation of all scientific and educational programs and museum projects in Usolye will become an example for the promotion of the Stroganov historical image throughout the region. However, given that the top task of the project is to create a network of Stroganov sites (which occupy the entire central part of Perm Krai) and the inclusion of the Usolye Stroganovskoe brand in the European cultural route, it may become real. Thus, the case of the Usolye Stroganovskoe project can demonstrate how a historical project that is being developed at the local level has prospects of becoming an identity construct at the regional level.

Conclusion

Today, historical images tend to be in demand in the regions: their use provides opportunities for the development of historical policy and image promotion, and becomes a competitive advantage over other regions in terms of tourist attractiveness.

At the same time, determining the key historical image for the region faces a number of difficulties. It is necessary to maintain a balance between the policy of the federal center and the regional strategy. In addition, there is no universal way to identify a single historical image these days. Popular Internet voting and expert focus groups can be effective, but on condition that they are included in the program of regional politics of memory and cultural strategies.

The increased interest in the images and persons of the past naturally leads to the fact that they become part of the public history and event agenda of the regions. In Perm Krai, we record the predominance of pre-revolutionary images in a number of events associated with the names of the Romanovs, Stroganovs, Bering, and others in places of their memory, which is explained, on the one hand, by nostalgic feelings for the “golden age,” and on the other hand, by the increasing demand for non-material culture of the regions. Historical images today are concentrated not so much around architecture as around cultural heritage (traditions, music, crafts, etc.). Thus, the identification of a key historical image for a region directly depends on how the cultural trends associated with it will develop within the territory. This allows us to reconsider the importance of public history practices that work with cultural heritage, to give them a more prominent place in regional cultural policy, and to develop new ideas and approaches in this direction.

Large-scale regional historical projects, such as Usolye Stroganovskoe, which affect all spheres of life in a settlement, become a unique platform for studying the influence of a historical image on the development of the territory. The fact that today the Usolye Stroganovskoe project is at the initial stage of implementation makes it possible to make a step-by-step analysis of all the processes associated with the formation of identity within the city and explore its impact on the entire region.

Список литературы

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Изд. 2-е, доп. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 496 с.

Беженару Л.Е. Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геоэтики // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 975–1026.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XVII–XVIII вв. Т. 3: Время мира. Москва: Весь мир, 2007. 732 с.

Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Политика памяти, вызовы идентичности и стратегии преодоления социокультурных угроз в оценках российских и англоязычных исследований культуры // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2020. № 4. С. 173–180.

Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки.* 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 182–189.

Игнатьева О.В., Лысенко О.В. Символические ландшафты городского пространства // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под редакцией О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь: Пермский государственный университет, 2013. С. 100–132.

История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под редакцией А.В. Гладышева. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. Вып. 1. 280 с.

История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006. 768 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / ответственные редакторы А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–13.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 43 с.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

Сыров В.Н., и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 224 с.

Фадеева Л.А. Психологические и культурные основания конструирования идентичности: пермский кейс // Перспективы развития политической психологии: новые направления: материалы Международной научной конференции (22–23 октября 2010 г., МГУ им. М.В. Ломоносова) / под редакцией Е.Б. Шестопал. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 206–214.

Хмелевская Ю.Ю. Историки и полезное прошлое: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 162–173.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Чагин Г.Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург: Сократ, 2011. 256 с.

Brooks V.W. On creating a usable past // The Dial. 1918. Vol. 64, is. 11. P. 337–341.

Schmidt S.J. Memory and Remembrance: a constructivist approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191–201.

References

Abashev, V.V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. 2nd ed. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008. (In Russian)

Bejenaru, L. “Region as a subcultural locus of cultural regionalism and re-gional geopoetics.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 3 (2019): 975–1026. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-3-5>

Braudel, F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XVII–XVIII vv.* [Civilization and capitalism, 15th – 18th century]. Vol. 3, *Vremya mira* [World time]. Moscow: Ves' mir, 2007. (In Russian)

Brooks, V.W. “On creating a usable past.” *The Dial*, vol. 64, no. 11 (1918): 337–41.

Chagin, G.N. *Istoricheskie znaniya narodov Urala v XIX – nachale XXI veka* [Historical knowledge of the peoples of the Urals in the 19th – early 21st centuries]. Yekaterinburg: Sokrat, 2011. (In Russian)

Fadeeva, L.A. “Psikhologicheskie i kul'turnye osnovaniya konstruirovaniya identichnosti: permskii keis” [Psychological and cultural grounds for identity construction: a Perm case]. *Perspektivy razvitiya politicheskoi psikhologii: novye napravleniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (22–23 oktyabrya 2010 g., MGU im. M.V. Lomonosova)* [Prospects for the development of political psychology: new directions: proceedings of the international scientific conference (October 22–23, 2010, Lomonosov Moscow State University)], 206–14. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. (In Russian)

Gladyshev, A.V., ed. *Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [History and historical memory: interuniversity collection of scientific works]. Is. 1. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2010. (In Russian)

Golovneva, E.V. “Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona” [Regional identity and identity of the region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 12, no. 3 (167) (2017): 182–89. (In Russian)

Hobsbawm, E. “Izobretenie traditsii” [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*, no. 1 (2000): 47–62. (In Russian)

Ignat'eva, O.V., and O.V. Lysenko. “Simvolicheskie landshafty gorodskogo prostranstva” [Symbolic landscapes of urban space]. In *Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti* [Perm as style. Presentations of Perm urban identity], edited by O.V. Lysenko and E.G. Tregubova, 100–32. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 2013. (In Russian)

Khmelevskaya, Yu.Yu. “Istoriki i poleznoe proshloe: k voprosu o distsiplinarnykh granitsakh i distsipliniruyushchikh funktsiyakh istorii v sovremennom obshchestve” [Historians and the usable past: on disciplinary limits and disciplining functions of history in contemporary society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 1 (2016): 162–73. (In Russian)

Malinova, O.Yu. “Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki” [Politics of memory as a branch of symbolic politics]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying politics of memory], edited by A.I. Miller and D.V. Efremenko, 27–53. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. (In Russian)

Miller, A. “Rossiya: vlast' i istoriya” [Russia: power and history]. *Pro et contra*, vol. 13, no. 3–4 (2009): 6–13. (In Russian)

Repina L.P., ed. *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: Historical culture of Europe before the beginning of the Modern Era]. Moscow: Krug", 2006. (In Russian)

Repina, L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya: (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography: (historiographical sketches)]. Moscow: GU VShE, 2003. (In Russian)

Safronova, Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: an introduction: a textbook]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. (In Russian)

Schmidt, S.J. “Memory and remembrance: a constructivist approach.” In *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*, edited by A. Erll and A. Nunning, 191–201. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008.

Syrov, V.N., et. al. *Kontseptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnatsional'noi identichnosti* [Conceptual grounds of the politics of memory and prospects of post-national identity]. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. (In Russian)

Vorob'eva, O.V., and F.V. Nikolai. "Politika pamyati, vyzovy identichnosti i strategii preodoleniya sotsiokul'turnykh ugroz v otsenkakh rossiiskikh i angloyazychnykh issledovanii kul'tury" [Politics of memory, challenges to identity and strategies for overcoming social and cultural threats in Russian and English-speaking cultural studies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4 (2020): 173–80. (In Russian)

Информация об авторе

Виталий Ярославович Призюк – помощник ректора ПГНИУ, секретарь Правления Пермского землячества, редактор журналов «Университет» и «Пермское землячество», <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>, vetal_prizuk@mail.ru, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614068 Россия, Пермский край, Пермь, ул. Букирева, д. 15), Пермское землячество (614068 Россия, Пермский край, Пермь, ул. Генкеля 8, каб. 108)

Information about the author

Vitalii Ya. Prizyuk – Assistant to the Rector of Perm State University, Secretary of the Board of the Permское Zemlyachestvo, editor of the journals *Universitet* and *Permskoe zemlyachestvo*, <https://orcid.org/0000-0001-8273-104X>, vetal_prizuk@mail.ru, Perm State University (15, ul. Bukireva, Perm, Perm Krai, 614068, Russia), Permское Zemlyachestvo (off. 108, d. 8, ul. Genkelya, Perm, Perm Krai, 614068, Russia)

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 05.05.2021.

The article was submitted 31.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 05.05.2021.